

Дрындя Мухоморкин

**Исповедь
простодушного
идиота**

Дрындя Мухоморкин Исповедь простодушного идиота

<https://litres.ru/74247612>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Исповедь простодушного идиота» – это сборник из 23 смешных и добрых рассказов, написанных от лица бывалого огнеборца, прошедшего путь от рядового пожарного до руководителя инспекции государственного пожарного надзора. Дембель, «олимпийский» отпуск, перестройка, текучка кадров в милиции, хитроумные комбинации на мясокомбинате, лыжные соревнования с двойниками и даже вояж в бунтующий Вильнюс – чего только не случается с героем и его коллегами!

Эта книга – честный и искренний взгляд на службу в пожарной охране и милиции конца XX века, где нелепые ситуации соседствуют с настоящим товариществом, а самоирония и любовь к жизни помогают выжить в любых, даже самых абсурдных обстоятельствах. Для тех, кто помнит, и для тех, кто хочет узнать, как жили и смеялись «огнеборцы» в эпоху дефицита и перемен.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дрындя Мухоморкин Исповедь простодушного идиота

Глава 1

1. Олимпийский дембель

Вот и окончена служба, подписан приказ Министра обороны СССР Д.Ф. Устинова об увольнении в запас. Всех срочников нашего призыва, выполнивших свой конституционный долг по защите Родины, начали распикивать по домам, как горячие пирожки. «Олимпийский дембель» – на горизонте проведение летних спортивных состязаний 1980 года в Москве.

Волей судьбы я прибыл из Советской армии одним из первых, но этим преимуществом в решении своих кадровых вопросов мне воспользоваться так и не получилось.

Едва глотнув воздуха свободы, я немедленно нанес дружеский визит в свою родную вторую самостоятельную военную пожарную часть – туда, где во время учёбы я проходил стажировку. За прошедшие два года в пожарной части сменилось почти всё руководство, однако оставшиеся на службе сотрудники про мои чудачества не забыли и узна-

ли сразу.

Встретили, как родного, вспомнили весёлые времена, поржали, но по вопросу трудоустройства, к сожалению, ничего подходящего мне предложить не смогли. Офицерских вакансий – ноль, все места заняты, как в советском санатории в разгар сезона. Мне милостиво предложили подождать очередной ротации личного состава, а пока могут принять в свой дружный коллектив на самую почётную должность «негра пожарной охраны» рядовым бойцом в караул. Выслушал я это предложение с королевским достоинством, поблагодарил и побрёл домой, усиленно думая думу: как же жить дальше.

Следующим пунктом моей «экскурсии по бывшим местам» была учебная профессиональная пожарная часть – та самая, откуда я с должности начальника караула был призван на срочную службу в Советскую Армию. И так по прошествии двух лет я вновь захожу в кабинет к бывшему начальнику.

Немного предыстории. Начиная со второго курса наши занятия по специальным дисциплинам проводились на базе учебной части, где мы впервые и познакомились с её начальником.

Мы, студенты, думали, что начальник части – это непременно суровый дядька с усами, в брезентовой робе, каске и с топором на поясе. Ага, сейчас! У ворот нас встретил «Голиаф» местного разлива: роста под два метра, лощёный,

как новенький рубль, в шикарных джинсах, чёрном кожаном плаще до пят и в ботинках, блестящих сильнее, чем солнце в пустыне. Это вам не служебная форма! Это был пижон из пижонов, модник, каких свет не видывал. Мы сразу зашептались: «Где же мы эту физиономию видели?» — но память подводила. Наш «Супермен» поздоровался, спросил старосту, вручил ключи от класса и выдал инструкцию на одном дыхании: «Не шуметь, ничего на сувениры не откручивать, по кухне не шастать, личный состав не доводить до белого каления». В завершении знакомства добавил с улыбкой хищника: «Программа у вас — о-го-го! Накатайтесь ещё на наших колымагах и напрыгайтесь с рукавами». А ведь не соврал! Так и вышло, занятий по специальным дисциплинам становилось всё больше. После их окончания дежурные студенты оставались драить полы, и вот тогда-то в неформальной обстановке мы и смогли рассмотреть нашего командира поближе. Оказалось — клад, а не мужик! В кабинете у него орали группы зарубежных исполнителей, он отлично разобрался в импортных магнитофонах и мог с закрытыми глазами посоветовать, где достать джинсы «Montana» или кеды «Puma». Позже выяснилось: по воскресеньям наш начальник собственной персоной околачивался на барахолке в гуще барыг и спекулянтов, знаменитых на весь город. А по вечерам его видели тусующимся в компании авторитетных «качков» и прочих «братков» у ресторанов в центре города. Но при этом — о, чудо! — при встрече он с нами здоровался.

Да не просто кивал, а каждому руку жал. После такого мы чувствовали себя чуть ли не героями боевиков. Одним словом, начальник оказался не сухарём-карьеристом, а старшим товарищем из соседнего двора... только с большими связями и сомнительной репутацией.

Годы учёбы пролетели быстро, как стая воробьёв мимо хлебных крошек. С грехом пополам сданы Государственные экзамены, на выданных дипломах ещё чернила не просохли, а в кадрах краевого управления уже началось распределение новоиспечённых специалистов, по подразделениям. И тут — облом! В год нашего выпуска вышло «хитрое» постановление: на офицерские должности в МВД СССР принимать только лиц, кто уже отслужил срочную службу.

Планы о лейтенантских погонах рухнули в пучину отчаяния. Но мы, ребята с горящими глазами, решили хотя бы до армии приткнуться куда-нибудь по специальности. И о чудо! Я волшебным образом попадаю... в ту самую учебную пожарную часть. Магия, да и только.

Оформили меня со скоростью звука: за день — и вот уже я в робе, заступаю на первое дежурство. График — сутки дежуришь, трое отсыпаясь. Рай, а не работа! В смене нас двое: я — начальник караула и водитель — мой напарник.

Познакомились. Напарник — мужик старше нашего шефа, семейный, с квартирой в центре и личным автомобилем «Волгой» ГАЗ21, блестящей до того, что можно было бриться в её отражении (точь-в-точь как из фильма «Берегись ав-

томобиля»). Дача, кролики, ещё и подработка в «скорой» – водителем. Трудяга, каких поискать. Он стоял на земле твёрдо, строил своё счастье безо всяких манн небесных.

В разговоре удивило меня только одно: напарник сразу предложил мне выбрать место для ночлега – почему-то он хотел меня отправить в кабинет с аппаратом оповещения. Я сначала не понял, но потом дошло: эта дурацкая сирена верещала так, что могла разбудить даже покойника, так что проспать вызов было просто невозможно. Как позже выяснилось, у него были совсем другие причины для такой заботы...

В гараже нашей части стояли три пожарные машины. Техника была чистенькой, надраенной, но каждая со своей «изюминкой». Как в том фильме «Свадьба в Малиновке»: один пулемёт не стреляет, другой заедает, третий – вообще выменян на штаны. Так и у нас.

Первый «красавец» - вездеходная, но древняя цистерна на базе автомобиля ЗИЛ – 157 (в простонародье «колун»), начал свою трудовую деятельность в гарнизоне ещё до моего рождения. Быстро передвигаться машина никогда неумела, а сейчас предчувствуя своё скорое списание в утиль вообще отказывалась участвовать в гонках по городу. Всё, что от неё требовали водители в настоящее время — это по тревоге завестись, самостоятельно выкатиться за пределы гаража, не заглохнуть пока за ней закрывают ворота и неспешно доставить до места пожара в помощь основным силам свою «дра-

гоценную» цистерну с двумя тоннами воды. Радовались, что со старикашки вода и масло не подтекало и на полу под машиной пока было всё сухо.

Второй «экспонат» — это сцепка полуприцепа бочки, в которую было заправлено 6 тонн пенообразователя (специальное вещество для тушения нефтепродуктов) и седельным тягачом (головастиком) на базе грузового автомобиля ЗИЛ — 130. Эта тяжеленная «чудо-колбаса» длиной больше 10 метров без проблем могла передвигаться лишь по хорошим прямым участкам дорог, а в горку только с надрывом и со скоростью черепахи. Но самое смешное: на этом спецтранспорте не было радиостанции! Когда все автомобили на выезде получали дополнительную информацию о пожаре или команду «отбой», наша «ракета» всё ещё ползла на вызов, не зная, что пожар уже потушили, а начальство давно спит. Особая хохма была зимой, когда на обледенелой дороге бочка вообще отказывалась подниматься в горку, не спасали ни надетые цепи противоскольжения, ни рассыпанный под колёса песок, который мы заботливо возили с собой в мешке. Машина гудела, шумела, но с места не двигалась. Тогда доблестный начальник караула (в боевой одежде, а ночью с включённым фонарём в руках) вылезал и шёл искать ближайший исправный телефон-автомат, чтобы вызвать буксир. Смотрелся он при этом как инопланетянин, заблудившийся на Земле.

Третий «экземпляр передовой инженерной мысли» — экспериментальный пожарный автомобиль, с огромной

удобной кабиной для личного состава, больше похожий на автобус — «кемпер». В серию он не пошёл, на пожарах не работал, зато использовался как наглядное пособие для студентов. Мы её мыли, пыль сдували, но на вызов — ни-ни. Идеальная машина для... но об этом позже.

Вот такой автопарк нам доверили.

Дежурство проходило спокойно. Напарник сготовил ужин из своей крольчатины — пальчики оближешь! И тут он мне открывает тайну: к нему должна подойти знакомая студентка, чтобы он помог ей с сопроматом. «Мы в соседней комнате позанимаемся, — говорит он, — а если вызов — свистни, я примчусь». Я, конечно, согласился. Ночь прошла тихо — ни звонков, ни выездов. «Репетитор» со своей подопечной только иногда повизгивали от радости, когда разбирали сложные формулы, и продолжали их зубрить до самого утра. Я толком ничего не понял. Но что-то мне подсказывало... ладно.

Утром пересменка, и мы разбежались по домам.

В будни до обеда шли занятия — мы были посторонними наблюдателями. А вот после обеда, когда студенты и преподаватели испарялись, жизнь в части начинала бить ключом. Начальник принимал гостей. И каких!

Как я уже упоминал, наш шеф был бывшим спортсменом, чуть ли не кандидатом в олимпийскую сборную. Но травма — и спорту конец. Ему подсказали тёпленькое местечко в учебной пожарной части. И он там освоился так, что мало не покажется. Общительный: друзей и знакомых спортсменов

по всей стране — тьма, межгород в его кабинете трезвонил, как сельский телефон на свадьбе. Местные «авторитеты» и прочие ходоки его тоже не забывали.

В те далёкие годы автомоек в городе не было. Все мыли свои тачки кто у колонки, кто у друзей во дворе. Но самое удобное место было в гараже нашей части! Однако, заезд только с разрешения начальника. И к нему выстраивалась очередь из счастливых владельцев личных автомобилей очень «нужных людей». И в этом случае дежурная смена не упускала шанса заработать на мытье их роскошных агрегатов на казённой территории. Бизнес по-советски, однако!

А ещё в кабинет начальника постоянно заходили типы с коробками, свёртками, сумками, пакетами. Шушукались, совещались, открывали кладовую, что-то там прятали, забирали, и снова шушукались. Потом исчезали. На вопросы начальник загадочно улыбался и говорил: «Плановые проверки».

Бывало, посреди ночи к нам приползали слегка трезвые друзья начальника, которых их любящие жёны уже не хотели пускать домой. Тогда они жалостливо долбили в наши ворота и просили приюта. Мы знали этих «Бахусов» в лицо и без слов размещали их в кабине неработающего учебного автомобиля — это был наш «местный вытрезвитель». Там они досматривали свои алкогольные сны, никогда не шумели и не буянили. А иногда те же опухшие морды появлялись у нас в компании весёлых «сестёр милосердия», то в кемпере

начиналась «Санта-Барбара» — с элементами доврачебной помощи и лечебной физкультуры до утра. Мы смотрели на всё это с философским спокойствием — жизнь есть жизнь.

За два месяца работы я узнал о взрослой жизни больше, чем за всё детство и юность вместе взятые. Потом пришла повестка в армию. Расчёт, напутствия, и вот я уже отпахал положенный срок, и снова стою на пороге этой части.

2. Сказка про «ДОК»

Захожу я к «любимому начальнику». Он меня видит — и радости у него примерно столько же, сколько у мышеловки, которая увидела сытого кота. Поздоровался, вспомнил, выслушал. Согласился: «По закону тебя восстановить обязанности, — говорит, — но, понимаешь, тут люди работают, куда я их дену? Надо подумать. Время нужно». А потом, как бы невзначай, добавляет: «Слушай, а есть вакансия начальника объектовой части на деревообрабатывающем комбинате. Хоть завтра назначат. Зарплата больше, возможностей — вагон. Подумай, сказал он с хитрой улыбкой.

Я отправился на разведку. ДОК находился на отшибе города. Ехать полтора часа на общественном транспорте с пересадками — уже весело. Приехал в отдел кадров, меня проводили к руководству и отправили на объект.

Прибываю. Территория: царство Гороха, времен татарского нашествия. Цеха старые, из щелей сыплется опилки. Оборудование, на котором, наверное, ещё динозавров пилили. Проводка открытая, висит на соплях. Кругом штабеля дре-

весины до неба. Везде горы опилок и обрезков. Ничего не убирается. По территории шастают мужики синюшного вида — почетные гости прошлых мест не столь отдалённых. Разговорился с местными пожарными. Те чуть не плачут: «Сушильные камеры загораются постоянно! Каждый день выезжаем, тушим, ночами не спим — дежури́м. Начальство комбината на наши замечания плевать хотело. У них план, а не техника безопасности». Я смотрю: всё предприятие — пороховая бочка, фитиль уже тлеет. А как рванёт по-крупному, крайним назначат начальника объектовой части. То есть меня. Ну уж нет! Спасибо за доверие, но я хочу дожить до пенсии.

Поэтому я вежливо отказался. Сослался на то, что ездить далеко, да и учусь на вечернем в институте в другом конце города. Начальник пожарного отряда, думаю, понял всё правильно. Или не понял, но возражать не стал.

Так моя эпопея с трудоустройством «большим начальником» по специальности повисло в воздухе, но это пока.

3. Мышеловка с зеркалом

Во времена Советского Союза за два рубля днём в ресторане тебя кормили как человека, многие вообще захаживали просто перекусить за один рубль. Вечером же, если не заказывать осетрину с ананасами, можно было уложиться в пять рублей на человека, и это считалось вполне себе культурным досугом.

И вот сидим мы как-то в ресторане «Берёзка» — два дем-

беля, только что вернувшихся из армии, где нас учили маршировать и чистить картошку, но не учили отличать честно-го человека от мошенника с лоснящейся рожей. Никого не трогаем. Думаем думы о судьбе: кем стать, куда податься, и стоит ли вообще вставать из-за стола. И тут к нам подкатывается ОН.

Назовём его Петрович. Лицо — масляный блин, который только что вынули из сковородки. Глаза — две копейки, но блестят как рубли. На вид — чуть старше нас, зато с таким налётом бывалости, будто он уже проживает пятую жизнь на этом свете.

«Не найдётся прикурить?» — спрашивает он голосом, от которого у зажигалок тухнет пламя на фитиле.

Не дожидаясь ответа, он подсаживается к нам и начинает задушевную беседу:

— Смотрю, мужики, рабочий день в разгаре, а вы тут культурно отдыхаете. Приехали поступать или в командировке? А я тут один болтаюсь, скучно. Может, составлю компанию?

И подсел. И разговорились. Хотя наши мамы с детства вдальблывали нам железное правило: «С незнакомыми людьми не разговаривать!» — но кто ж в двадцать с небольшим лет слушает мам, особенно под пиво? За полчаса он втёрся к нам в доверие так качественно, будто работал штукатуром-маляром высшей категории. Под пивко мы расслабились, и тут наш новый знакомый начал нам по ушам ез-

дить с профессиональной лёгкостью циркового наездника. За очередным бокалом он понизил голос до шёпота, который был слышен на другом конце ресторана:

— По секрету: я заместитель руководителя краевого филиала Госкомитета театра и кино. Курирую кадры. Знаете, что это значит? Я лично езжу на кинофестивали в столицу, пью коньяк с самими... — он сделал театральную паузу и посмотрел на люстру, — с заслуженными и народными. Недавно перевёл одну знакомую на Мосфильм. А на её место как раз сейчас подбираю кандидатов из молодых, талантливых, перспективных. Зарплата, говорит, — закачаешься. Перспективы — как лестница в небо.

Глаза у нас загорелись, как прожекторы на стадионе. Индюшачьи мозги поплыли жирной плёнкой по поверхности здравого смысла. Павлиньи хвосты распустились во всю красу — хорошо, что в ресторане не было других индюков, они бы заволновались.

Мы согласились на собеседование мгновенно, даже не спросив: «А почему вы, заместитель руководителя, пьёте пиво с двумя безработными, да ещё и не в самом престижном ресторане города?» Но кто ж задаёт такие вопросы? Правильно — только параноики.

Договорились о времени и дате. Только одна странность: мне предложили подойти в один адрес, а моему товарищу почему-то в другой. Но тогда это показалось нам сущей ерундой — мало ли, филиалы разные, кабинеты в разных райо-

нах города.

В назначенный день нарядился как на парад и прибываю по указанному адресу. На входе — вахта, милиционер с усталым лицом человека, который видел в этой жизни всё и всех.

Оформляю пропуск, поднимаюсь на второй этаж. В коридоре нос к носу сталкиваюсь с нашим благодетелем. Петрович мечется по коридору, явно куда-то торопится. Завидев меня, бросается навстречу с криком: «Извините, извините, срочное совещание! Приходите через два часа!». И тут же, уже на бегу, добавляет: «О, и будьте другом — помогите донести до выхода одно зеркальце, а я пока документы заберу. Оно вон там в углу скучает, увидите. Вы же справитесь?».

«Почему бы и не помочь? — думаю. — Человек будущий начальник, надо показать себя с лучшей стороны: силён, полкадист, на "слабо" не ломаюсь».

— Ну, — говорю, — не вопрос.

Зеркало было размером с хорошую кровать, тащу его вниз по лестнице. Каждую ступеньку считаю — не столько из любви к математике, сколько потому, что зеркало явно весило как автомобиль «Запорожец». Ступенька — хрусь. Ступенька — хрусь. Спина поёт арию неразделенной любви к врачу-ортопеду.

Прохожу мимо дежурного милиционера, и тут раздаётся глас вопиющего в пустыне законности: «Стоять! Куда имущество выносим?!»

Я, естественно, остановился как вкопанный. Объясняю,

что это Петрович попросил, сейчас он следом идёт, он вот-вот спустится и всё подтвердит. Стоим, ждём. Тишина. Милиционер смотрит на меня сначала как на врага народа, потом как на кандидата в экспонаты кунсткамеры. Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Наконец милиционер устаёт ждать, тяжело вздыхает, берёт телефон кому-то звонит, кого-то просит подойти.

Спустя вечность из недр коридора наконец то появляется Петрович. Спрашивает озабоченно: «Что случилось?» Выслушивает дежурного, делает удивлённое лицо — причём такое удивлённое, будто ему сообщили, что земля квадратная. Качает головой:

— Да, я действительно встречался с молодым человеком. Да, я просил его прийти позже. Но! Никаких распоряжений на вынос зеркала не давал. Никогда! — И тут он «случайно» обнаруживает на зеркале отколотый угол. Вот уж откуда он там взялся — загадка, но угол был, как пить дать.

— Ой, а зеркало-то повреждено! Это же государственное имущество!

Меня накрывает: сознание уходит в глухую оборону, в голове играет популярный марш «Прощание славянки». Я что-то мычу нечленораздельное, как корова, которую учат китайскому языку.

Милиционер, чувствуя свою звёздную минуту, говорит, что сейчас вызовет дежурный наряд и будем оформлять хищение государственной собственности. Петрович стоит с ли-

цом сфинкса, который только что объелся кактусов. Затем медленно разворачивается и уплывает по коридору — то ли документы смотреть, то ли алиби укрепить.

А милиционер берёт «быка за рога» и начинает процедуру «досмотра». Шарит по моим карманам с таким видом, будто ищет запрятанный его прабабушкой во время французской революции клад с драгоценностями. Достает мелочь — копеек сорок, ключи от квартиры, потом аккуратно откладывает в сторону свёрток с моими документами. Смотрит мне прямо в глаза и с ехидцей, произносит:

— Ну и что скажешь, кадр? В первый рабочий день, ещё даже не устроился — и уже воровать? Не стыдно?

Потом продолжает, уже более миролюбиво:

— Смотрю я, парень ты вроде неплохой. Привлекать тебя за кражу мне, честно скажу, не с руки. Давай-ка ты скажешь «шефу», что компенсируешь стоимость зеркала. Он человек нормальный, безвредный, как удав в наркозе. Сейчас вернётся — переговоры, глядишь, и закроет на это дело глаза.

И, как по мановению волшебной палочки, Петрович тут же материализуется из-за угла. Милиционер сладким голосом:

— Может, не будем гробить судьбу молодому дарованию? Пусть загладит вину, и разойдёмся?

«Шеф» вздыхает как человек, которому надоело быть добрым, делает вид, что колеблется, потом машет рукой:

— Да чёрт с ним. А то будем сейчас всю неделю по мен-

товкам таскаться, бумаги подписывать. — И обращается уже ко мне: — На работу к нам я тебя, конечно, уже не возьму. Такой конфуз, сами понимаете. Но и биографию портить тебе не хочу.

— А что же мне делать? — шёпотом спрашиваю я, уже почти смирившись со своей никчёмной судьбой.

Давай так: стоимость зеркала — двести рублей. И вот этому товарищу, — кивок на милиционера, — за стресс и валидол — ещё пятьдесят.

— Итого двести пятьдесят, — резюмирует милиционер. — Согласен?

— Ага, — говорю я, чувствуя себя последним паршивым бараном в стаде.

— Документы твои мы пока оставим у себя. Принесёшь бабки — вернём. Время тебе до вечера. И не вздумай бегать, адрес в паспорте указан, найдём с милицией, даже если ты в Антарктиду свалишь.

Выхожу я на улицу, и свежий воздух возвращает мне остатки рассудка. Да это же развод! Классическая мышеловка с зеркалом! Но куда идти? Денег таких нет, друзья все такие же нищеловы, как я, а просить в долг у мамы — стыдно. И главное — я же ничего не крал! Обидно до зубовного скрежета.

И тут меня осеняет! Прямое попадание в спинной мозг: ведь в двух кварталах отсюда — Комитет Государственной Безопасности! А в этой интересной фирме работает хоро-

ший знакомый нашей семьи, некто Марьянович. Тот самый, который месяц назад предлагал мне пойти к ним на службу, а я тогда только фыркнул: «Это ж там опять форма, конспирация, муштра, да ещё должность прапорщика... Не, не хочу». Как же он надо мной посмеётся! Но выбора нет.

Я — к нему, как утопающий за соломинку, к родимой душе, за спасательным кругом.

Захожу в здание, а там всё по-взрослому: строгие лица в пиджаках, находится в фойе посторонним строго запрещено. На стене при входе телефонный аппарат для внутреннего пользования, знаете номер — звоните, нет — проваливайте. Разворачивают на выход, а тут мне на встречу наш знакомый чекист собственной персоной.

Наконец встретились. Рассказал всё — от ресторана до отколотого угла. Он слушает, и по мере рассказа его лицо меняет выражение от «о, как интересно» до «ты что, реально такой лопух?». И не просто так.

Дядя чекист знал меня с первого класса, я рос на его глазах, поэтому он не стал читать долгих нотаций, а просто пообещал помочь разобраться.

Потом добавил, — а ведь я тебе недавно предлагал к нам. Здесь бы тебя сразу научили отличать хитромудрых жуликов от нормальных людей. Но ладно, не будем копать в дерьме. Жди меня дома.

— Так ключи забрали, — в квартиру не попаду.

— Тогда топай за мной, балбес и неспеша пошёл к сосед-

нему зданию.

А там — Районный отдел внутренних дел, родина моих новых переживаний. Походили по кабинетам. И что вы думаете? Все, к кому он заходил, его знают, здороваются, называют по имени-отчеству. В каждом кабинете я вновь, как заезженная пластинка, пересказывал свою эпопею про зеркало, про двести пятьдесят рублей, про «Петровича» с лоснящейся рожицей. И — о чудо! — мне поверили. Не с первого раза, но поверили. И заинтересовались.

Оказывается, эти «джентльмены удачи» уже давно были у силовиков на примете. Выяснилось, что моя история один в один совпала с той информацией, которую им уже сообщали другие такие же простофили. Я, сам того не зная, угодил прямо в центр проводимых мероприятий. Дальше всё завертелось как в хорошем детективе, только с комедийным уклоном. Седовласые прожженные опера прямо на глазах начинают оживляться, как школьники на выпускном вечере. А теперь давай мы с этим «бегемотиком» сами поиграем, кости разомнём, а то засиделись, сказал один из старожилов кабинета. Бери бумагу и пиши заявление. Я старательно вывожу каллиграфическим почерком изложение на тему: «Неизвестные лица под видом сотрудников кино отобрали мои вещи и вымогают крупную сумму денег». Подписываю, отдаю.

В ответ слышу: «Вот и славненько. Идите, через часа три-четыре подходите, всё должно получиться, только пока рот на замок».

Как позже выяснилось среди определённой категории деклассированных элементов Петрович значился, как трусливый урод, готовый за копейку предать, продать или заложить любого, хапал и прибирал к рукам всё, что плохо лежало, ни брезговал ничем.

Вот уже несколько часов он перебил в руках ключи от чужой квартиры, которые не давали ему покоя. Природная жадность и уверенность в своей безнаказанности взяла верх, «любитель муз» не стал дожидаться вечера и решил — а дай-ка заодно квартиру проверю, пока клиент деньги собирает, может, прикарманю что ни будь интересное.

Эту слабость Петровича лазить без спроса по чужим сусекам просчитали и работники сыска. Прихватили его уже через каких-то пару часов тёпленьким при выходе из нашей квартиры. Наследил он там славно. Поговаривали, что наш герой от такой неожиданной встречи прямо на лестничной клетке подъезда вспомнил детство и даже подмочил свои штанишки.

В общем, к вечеру я получаю обратно свои документы и ключи — целыми и невредимыми. По предложению опытных розыскников ход этому инциденту давать не стали, а поступили гораздо мудрее, вывернули «бегемотика» наизнанку, сделав его своим сексотом. Тех пор новоиспечённый «Остап Бендер» стал болтаться на крючке у органов — и по первому свистку сдавать других таких же как он «дельцов». И надо полагать, делал это с той же настойчивостью, с какой

до этого втирался в доверие к наивным простачкам.

Однако правду говорят, что сколько верёвочке не виться, а конец всё равно найдется.

По слухам бабушек у подъезда, нашего знакомого Петровича жизнь ничему так и не научила. С позорным прошлым он завязывать не захотел. Наоборот, через непродолжительное время он ввязался в какой-то очередной блудняк с порошком белого цвета, но в этот раз нарвался на реальных крутых братков, после чего бесследно исчез, навсегда.

А я с тех пор стараюсь не пить пиво с незнакомыми «заслуженными артистами».

4. Повестка в дворники

Дни летят. Начинался третий месяц моего «заслуженного отпуска» а я всё ещё был не при делах. Соседи по подъезду начали коситься на меня, как на новый вид таракана-прусака, который объявился в их доме. Некоторые, правда, проявляли чудеса советского гуманизма: при встрече не просто буркали «здрасьте», а с пристрастием допрашивали: «Ну что, сынок, устроился уже? Может, тебе помочь? Говорят, у нас в доме в лаборатории грузчики нужны!» Я вежливо отнекивался, но внутри понимал: страна советов – она как заботливая бабушка, которая не оставит тебя без своего внимания, даже если ты этого не хочешь.

А тут ещё эти вступительные экзамены! Без особого энтузиазма я ждал приглашения в Институт народного хозяйства – и зачем я только купился на рекламу факультета Матери-

ально-технического снабжения? Думал, буду дефицитом командовать, а оказалось – там одна сплошная математика: интегралы, дифференциалы, синусы с косинусами, которые в школе, после уроков пения, были моими злейшими врагами. Я с этой математикой не дружил, я с ней воевал, и, судя по всему, она меня постоянно побеждала.

По вечерам мы все вместе болтались по городу без цели, обсуждая, кто сколько нарядов вне очереди получил в армии, и кто какую галочку в военном билете заработал.

И вот в один прекрасный день я нахожу в своём почтовом ящике официальный бланк с гербом – повестка из родной и всеми любимой милиции! Внутри всё похолодело, как в холодильнике «Саратов» летом. «Засада! – пронеслось в голове. – Доотдыхался, дорогой товарищ! Сейчас привлекут за тунеядство по всей строгости!» В те времена, при развитии социализме, эта статья работала безотказно, как легендарный автомат Калашникова. Я уже мысленно представил себя с метлой на центральных улицах – пятнадцать суток исправительных работ и почётное звание «барон чинариков».

В назначенный час я явился в здание РОВД, от которого веяло такой официальностью, что хотелось снять шапку и перекреститься. Захожу, сажусь на стул в коридоре. «Пятая точка жим-жим, – думаю, – сейчас как закроют, и буду драить полы в камере предварительного заключения». Передо мной в очереди сидят двое киндеров с подозрительными физиономиями, явно мастера уличных наук. Они на лету

сочиняют легенду для «дяди» милиционера. Я даже позабавился их актёрскому мастерству – студентам ГИТИСа такая импровизация и не снилась.

Наконец, моя очередь. Захожу в кабинет, а там сидит майор с добрыми глазами, похожий скорее на школьного завуча, чем на стража порядка. Он берёт мой паспорт, военный билет и говорит: «О, служил? Молодец. А чего это мы тебя вызвали? А! Чтоб ты знал, кадровики так молодёжь вербуют – повестками, как приглашениями на комсомольскую свадьбу». И тут до меня доходит: всё оказалось гораздо прозаичнее, чем я себе навыдумывал. Никаких судов, никаких метёлок – просто хитрая кадровая политика.

Я быстро выкладываю свои козыри: документы о том, что готовлюсь в институт, и диплом, что жду офицерскую вакансию в пожарке. Майор одобрительно кивает, ставит печать и отпускает меня на все четыре стороны – живым, невредимым.

Выхожу из отдела, вытираю испарину со лба и делаю глубокий вдох: «Слава богу, пронесло!» Но внутри закрадывается тревога: ведь если я в ближайшее время не найду работу, они снова вызовут – и тогда уже точно не отверчусь. Значит, нужно срочно бежать искать хоть какое-то занятие, чтобы навсегда забыть дорогу в этот кабинет. Иначе кранты. И я бодро шагаю в сторону дома, полный решимости стать полезным членом социалистического общества.

Вот так, с юмором и сарказмом, я прожил свои первые

месяцы на гражданке. Ошибки, смех, неудачи — всё переплелось в клубок, который потом начал распутываться. Главное — не падать духом и помнить, что даже в самой глупой ситуации есть повод для улыбки.

5. Место под солнцем

Почти все друзья-товарищи возвратились домой. Кто-то ещё болтается без дела, словно фантик в луже. Кого-то уже по благу пристроили на хорошее место — туда, где не нужно пахать, а достаточно только в носу ковыряться. А кое-кто рискнул и по наводке знакомых рванул на Север за длинным рублём. Но никто из наших знакомых пока не горел желанием устраиваться на должность «негра пожарной охраны» за целых 95 рублей в месяц.

И вот один наш шустрик, чей нос всегда был впереди ушей, где-то услышал: судостроительный завод в Краснофлотском районе набирает кандидатов для работы на станках с программным управлением. Там, говорят, такие станки, что сами за тебя работают. Условия — фантастика!

— Слушайте, мужики, — вещает шустрик, сверкая глазами. — Тем, кто отслужил в Советской армии, завод даёт разовые подъёмные — 400 рублей! Понимаете? Четыреста! Это же стоимость нового мотоцикла или комплекта классной аппаратуры!

Мы не поняли, но зауважали.

— А потом, — продолжает он, — полгода ученические — по 150 рублей. А когда станешь профи, зарплата доходит до

600 рублей в месяц (при средней заработной плате в стране – 120 рублей)!

Условия просто фантастические.

После таких разъяснений даже самый ленивый из нас шевельнул ушами.

Мы тут же собрались и поехали. Правда, от дома до проходной было добираться на общественном транспорте на другой конец города. Это означало: два часа в автобусе, зажатými, как шпроты в банке, и с риском уснуть на плече у незнакомого попутчика. Но для нас молодых это не помеха. Мы даже не знали, что такое «усталость» — она просто не успела до нас доехать.

В коридоре отдела кадров — очередь из кандидатов, человек сорок. Все напряжённые, с папками. Нас там особо не ждали. Встретили с таким энтузиазмом, с каким встречают таракана в суповой тарелке.

Каждого как на медкомиссии оглядели с ног до головы, задали пару-тройку дежурных вопросов, полистали документы, заглянули в диплом об образовании, проверили регистрацию места жительства и в приёме на работу вежливо отказали.

— Причина? — спрашиваем мы, напрягаясь и холодея.

— Живёте далеко, — отвечает дама в очках с таким лицом, будто мы прилетели к ним с Луны. — Трудно будет добираться. А ещё мы думаем: вы получите подъёмные и тут же перейдёте в нашу объектовую пожарку работать по своей

специальности.

— А какая у нас специальность? — опешили мы. — Мы нигде ещё не работали.

— Вот именно, — сказала дама и закрыла окошко.

Мы вышли на улицу. Облом, но где наша не пропадала.

6. Энергомаш

— Ничего, — сказал самый стойкий из нас, Вовчик. — Есть ещё завод «Энергетического машиностроения». Он рядом с домом — двадцать минут пешком, и ты у проходной. Плюс там работает мой отец, я с ним поговорю. Его батяня хоть и не надеялся, что мы там задержимся дольше, чем молоко в холодильнике, но за нас поручился.

Пришли. В отделе кадров — кандидатов на работу никого. Вообще никого. Тишина, только муха жужжит. В углу сидит мадам средних лет.

— Нам бы на работу устроиться, — сказали мы ей.

Она посмотрела на нас суровым взглядом, чихнула и выдала:

— Оформляйтесь. Испытательный срок — полгода. Ученик токаря, ученик фрезеровщика. Кто кем хочет?

Мы переглянулись. Токарь — это как? Крутишь железку, снимаешь стружку. Фрезеровщик — тоже снимаешь стружку, только по-другому. Разницы особой нет. Поэтому распределились кто куда.

Оформили нас без особых разговоров. Даже подъёмные выписали — 160 рублей. Не 400, конечно, но на новые джин-

сы и мороженое хватит.

Завоудище изнутри оказался больше, чем снаружи, в его цехах выпускали всё — от ширпотреба на кухню до мощнейших турбин для электростанций. По помещениям можно было плутать неделями. Попробуем себя в шкуре настоящего рабочего, может что и выйдет. Хорошо, что основы токарного дела мы проходили в школе и это пригодилось. Я, по крайней мере, помнил, с какой стороны нужно подходить к станку и где кнопка его включения.

Познакомили меня с наставником, который своему ученику не обрадовался. Он посмотрел на меня так, будто я съел его завтрак.

— Ты, — говорит, — это... не сломай ничего. Инструмент — вон там. Получи и работай. Задача — черновая обработка деталей. Потом я доведу.

— Понял, — говорю. — Черновая — значит, грубо.

— Грубо, — вздохнул «учитель» и ушёл на перекур.

Первая половина трудового дня пролетела пулей. Честно! Только включил станок — глядь, уже обед. Отключаю рубильник, иду с ребятами изучать дорогу в столовую. А там — куча народу! Как в общественном транспорте в час пик, только вместо пассажиров — голодные рабочие. Кто-то лезет без очереди через головы, кто-то кричит:

— Мы здесь занимали ещё вчера!

Цены в заводской столовой чисто символические — профсоюз дотировал, ассортимент блюд на момент откры-

тия огромный. Но пока мы пробились к раздаче, все интересные блюда расхватали. Перехватили, что осталось, и бегом на рабочие места. Прихожу — а на моей тумбочке шаром покати. Инструменты украли! Все! Резцы, сверла, даже тряпку, которой я вытирал руки.

— Мастер, — жалобно говорю. — инструменты украли.

Он только ухмыльнулся:

— А ты что, думал, здесь клуб благородных девиц? Инструмент на виду не оставляй. Дуй в инструментальную, получи новый комплект. Но за него у тебя потом из зарплаты вычтут, понял?

Пошёл в инструментальную. Там сидит «хмырь болотный». Не мужик, а прямо-таки экспонат краеведческого музея. Он обрадовался мне, как весеннему солнышку — видимо, целый день ему не удавалось ни на кого наехать, поэтому решил читать мне нотации.

— Ах ты, растяпа! — начал он, не здороваясь. — Инструменты потерял? Знаю я таких! Сейчас я тебе напишу расписку, и с тебя удержат 50 рублей! А это почти половина зарплаты! Будешь знать, как разбрасываться государственным добром.

— Я не разбрасывался, — попытался возразить я. — Украли.

— Украли? — он прищурился. — Значит, ты ещё и плохо смотришь за имуществом. Плюс пять рублей штрафа за недосмотр. Шучу. Но запомни: в следующий раз — могут

высчитать и все двести.

Получил новый комплект, под расписку, и побрёл обратно. Первый рабочий день подходил к концу.

Смена закончилась — все работяги у станков стали приводить себя в порядок. Мыли руки эмульсией — такой жидкостью, которая циркулирует по трубам для охлаждения деталей. Горячую воду на заводе, оказывается на тот период, отключили. Поэтому станочники мылись тем, что текло. Эмульсия пахла керосином и чем-то ещё, напоминающим по цвету разведённое коровье молоко.

Раздевалка — на втором этаже. Огромный зал над цехом. Человек 150–200 одновременно копошатся у шкафчиков, гремят навесными замками. Запах — смесь пота, жжёного масла, табака и легким перегаром. Работяги переодеваются, курят, травят анекдоты на все существующие темы. Шуршат сумками, звенят склянками — кто-то в банку переливает прихваченную эмульсию (для дома, сгодится). Гул — как на «птичьем базаре», только птицы здесь ругаются матом. И главный принцип советского работяги в эпоху тотального дефицита: тащи с завода каждый гвоздь, ведь ты хозяин, а не гость. Поэтому кто пошустрее, тот не стеснялся прихватить со смены любую мелочёвку — от болтика до выточенной на заказ детали для самодельного культиватора. Побрякушки, приготовленные на вынос, прятали и распикивали кто куда мог и кто как придумывал.

А мы в первый день шли с завода с кучей впечатлений и

чистой совестью — потому что ничего с собой не прихватили. На проходной нас досмотрели по полной программе, даже прощупали подкладку. Увы, кроме пустых карманов ничего не нашли. Охранник с улыбкой вздохнул:

— Молодёжь пошла... даже гвоздя не прихватят.

Второй рабочий день начался веселее. Наученный горьким опытом, я инструменты у станка уже не оставлял: резцы и свёрла — по карманам, а всё ненужное срочно прячу в шкафчик под замок. На обед мы рванули раньше расписания, получилось пробиться в первые ряды. И тут мы увидели предлагаемое к употреблению изобилие блюд, набрали всего от души, налопались так, что пуговицы на брюках засвистели. С полными животами и отличным настроением возвращаемся на рабочие места.

А там — сюрприз. У наших станков трётся незнакомый молодой человек. Одет чисто, при галстукe, улыбается. Судя по отсутствию грязи и стружки на пиджаке, он явно не из рабочей среды. Собеседник изобразил лицо делового человека и сразу перешёл к предметному разговору.

— Здравствуйте, товарищи молодые специалисты! — говорит он голосом, который, наверное, репетировал перед зеркалом. — Я секретарь первичной комсомольской организации цеха. Просто зовите меня Лёва. Но на собраниях — Леонид Ильич. Шучу!

Он не улыбнулся своей шутке. Мы тоже.

Не успев поздороваться, он сразу перешёл к делу:

— Наша комсомольская организация проводит огромную работу! Дежурим в составе добровольной народной дружины вместе с милицией, выпускаем газеты, боремся с прогульщиками, алкоголиками, тунеядцами! — тут он посмотрел на нас с подозрением. — Вы ведь не алкоголики?

— Нет, мы всё больше по тяжелым наркотикам. Улыбаясь, съязвил наш Вовчик.

Пауза, недоумение, затем почти визг, дошло — Шутники, вот и отлично! — обрадовался Лёва. — Значит, вы должны влиться в наш коллектив и со свежими силами. Откладывать в долгий ящик не будем, приступим прямо на этой неделе!

Ребята, которые были похитрее, переглянулись и на полном серьёзе выпалили:

— Лёва, дорогой ты наш руководитель! Мы бы с радостью, но мы не комсомольцы. И вообще мы ещё не созрели для участия в столь грандиозных мероприятиях такой солидной организации. Дайте нам поработать, проявить себя, заручиться поддержкой коллектива... а потом мы к вам сами припрыгнем. Обязательно.

— С цветами и оркестром, добавил Сергей.

У нашего активиста от неожиданности отвисла челюсть, он в шоке. Наш собеседник, видимо, привык, что все сразу соглашаются и хором поют про «партию-рулевого». А тут — такой облом.

Но тут я совершил ошибку. Не подумав, ляпнул:

— А я комсомолец.

Лёва ожил, как вампир от запаха крови:

— Отлично! Значит, тебя мы поставим на учёт завтра же. И заодно — небольшое поручение. Зайди ко мне в обед, есть идея...

— Да ну нафиг, — попытался отказаться я.

— А вот за отказ от поручения, — медовым голосом добавил Лёва, — знаешь, что бывает?

— Наверное из комсомольской организации исключите, утром примите, а вечером уволите — загадочно произнёс Вовчик.

Зачем сразу так радикально, на первый раз просто объявим выговор. А выговор — это минус квартальная премия, на полном серьёзе произнёс комсомольский босс.

— Главное, что ученические выплатят в полном объёме. Перетопчемся, подхватил Сергей.

Так что жду, уже грозным голосом произнес Лёва.

И упорхнул, оставив меня в тоске.

— Попал ты, — сочувственно сказал Вовчик. — Теперь собрания, взносы, поручения...

— Зачем я вообще в комсомол вступал? Хорошо, что в бальные танцы не записали — простонал я.

— Чтобы иметь шанс быть с почётом, исключённым из его рядов, — философски заметил Серега.

День за днём идёт работа. Мастер подкидывает мне простейшие детальки, я вникаю, обтачиваю. Ребятки тоже осваивают специфику на своих рабочих местах, со своими на-

ставниками, фрезеруют, шлифуют.

Фрезерный станок — штука страшная. Это большой металлический стол, сверху которого закреплена фреза — колесо с зубьями, похожее на челюсть доисторического зверя. На стол выкладывают заготовки — штук 50–80 одновременно. Включают магнит, который «примораживает» их к столу. Потом фреза опускается и срезает лишний металл по всей поверхности. Всё это происходит автоматически, по программе.

Мои коллеги быстро смекнули: заложил заготовки, включил программу — и ушел на перекур на 15–20 минут. Через 20 минут станок сам отключится, детали готовы. Гениально!

Но была одна маленькая проблема. Иногда, впопыхах, забывали включить тот самый электромагнит, который примораживал заготовки. И тогда металлические заготовки весом грамм по 300, встретившись с крутящимся колесом фрезы превращались в метеориты. Они разлетались по всему цеху с такой скоростью, что работяги с криками «Бойся, воздух!», прятались за станками и лежали там гурьбой.

— Твою мать! — орали старожилы цеха из соседних пролётов. — Опять эти ученики! Мы им сейчас устроим! Но до мордобития не доходило. Остаётся загадкой, как ребятам за такие косяки не навалили прямо на рабочем месте. Наверное, наставники были слишком добрыми. Или просто понимали, что ученикам и так стыдно.

Не далеко от наших «отличников фрезерного дела» ушел

и я. Спокойно работать не получалось — все на перекур, и у меня в одном месте свербит: почему я должен пахать, как лошадь? Ноги сами несут к ближайшей курилке, хотя не курю. Потолкался с коллегами, послушал пару-тройку анекдотов, а план сам себя не делает.

Вот в конце смены, чтобы нагнать выработку, я начинаю обрабатывать детали на повышенных оборотах. Результат: вместо сквозной проточки сверло уходило в бок, и деталь превращалась в вентиль неизвестного назначения. Брак. Но самое удивительное — свёрла не ломались. Все недоумевали:

— Как ты это сделал? Секрет фирмы?

— Государственная тайна, — мрачно отвечал я.

Вот и неделя заканчивается. Долгожданная пятница. Мы строим планы на выходные и вдруг появляется наш комсорг Лёва.

— Так, ребята, хорошая новость! — говорит он. — В субботу вы выходите на дежурство в опорный пункт милиции. Будете помогать поддерживать порядок. Форма — своя, повязки выдадут, ответственность — высокая.

Мы переглянулись. Болтаться с бомжами по опорным пунктам — это не то, о чём мы мечтали. Но Армия научила нас одному: врать командирам глядя честными преданными глазами, уверенно, а главное искренне и с выдумкой.

— Лёвочка! — сказали мы почти хором, делая скорбные лица. — Какая досада! Мы бы с радостью, но... у нас би-

леты на поезд! Сегодня вечером мы всем нашим «тимуровским отрядом» убываем в Комсомольск-на-Амуре помогать бабушке-родственнице! У неё там огород. Она одна, старенькая, бедная, больная. Если мы не приедем, её может хватить кондратий!

Слово «кондратий» мы произнесли особенно убедительно.

Последнее крутое выражение было сказано такими печальными голосами, что что у Лёвы дёрнулся глаз. Если бы мы в ту минуту пустили ещё и слезу, то наверняка он бы с нами тоже заплакал.

— А чего вы раньше не сказали? — заныл он.

— Вы нас заранее не спросили, — резонно заметил Вовчик. — Бабушка уже ждёт. Волнуется. Если у неё приступ случится, что тогда будет, ой, ой, ой! Кто ответит?

Лёва побледнел. Похоже, он представил себе разбирательство на комитете комсомола с формулировкой «довели старушку до кондратия». Он махнул рукой:

— Ладно... езжайте. Но в следующий раз — предупреждайте!

— Обязательно! И увольнительную на следующие выходные оформим по полной форме — заверили мы и, как только он ушёл, тихонько хлопнули себя по карманам (в которых не было никаких билетов).

Пошла вторая рабочая неделя, дни за днём тянутся своим чередом. Привыкаем к трудовым будням, на удивление да-

же железки от наших станков уже почти не летают по цеху. Понемногу входим в доверие наших наставников, те в свою очередь уже стали отправлять нас одних на склад получать металлические заготовки.

Но знакомство и общение со складскими работниками — это та ещё песня.

Заведующий складом был человек в весьма почтенном возрасте, с выраженными чертами лица потомка чистокровных переселенцев с берега реки Ефрат. Для нас так и оставалось загадкой каким ветром его могло занести трудиться на склад чугунных болванок, а не руководить, к примеру овощебазой, где сплошь рядом трудились его единовверцы.

Он носил замученный пиджак, выдавшую виды рубашку и тонюсенький галстук, который, по его мнению, придавал ему солидности. На голове — замусоленная фетровая шляпа. На переносице — маленькие круглые очки с резинкой вместо одной дужки. Общался он с нами исключительно через окошечко размером с амбразуру. Дверь с табличкой «Склад заготовок» была для него святыней, и переступать порог «сокровищницы» не позволялось никому. Как и все «гнилые старикашки» он не прочь был побурчать себе под нос, поучить жизни всех без исключения, кто к нему приходил. Хриплый слегка голос с неповторимым акцентом и картавостью придавали его монологам дополнительную колоритность. За долгие годы работы на заводе наш любитель холодных помещений и высоких стеллажей хорошо усвоил глав-

ное правило, что у него на складе должно быть всё, но раскрывать тайны пещеры «Алладина» каждому встречному совсем не обязательно. Начни он выдавать каждому смертному по заявкам быстро и чётко, и его перестали бы уважать, а так потянул немножко и ты уже самый нужный человеком на этом свете.

Каждое утро мастера участков, получавшие текущие задания сразу шли на склад подбирать и выписывать заготовки согласно чертежам будущих изделий. Металлические болванки весят прилично, в руках от склада до рабочего места не донесёшь, нужно на чём-то их перевозить. Для этого пользовались тачками, но до обеда их как правило расхватывали и возвращали уже ближе к вечеру. А на дверях склада в любой момент могла появиться табличка «закрывается на инвентаризацию», принцип простой кто не успел, тот опоздал.

Оставлять заготовки на ночь у станка то ещё занятие, к утру они могли испариться так же, как когда-то и мои инструменты. Получил полуфабрикат, обработал и сразу сдал в отдел технического контроля.

А план нужно выполнять, мы не исключение. С утра проходим свой квест, ищем тачку по всем укромным местам цеха. Чутье не подводит, находим рядом с кучей металлолома не совсем целую, без одного колеса, но ещё крепкую. Скрипит, трясётся, едет, несёмся на склад.

Вот и окошечко на заветной двери, но главный хранитель «медной горы», ещё даже не взглянув на наши заявки про-

износит знакомую до боли фразу: — Мальчишки, а заготовок нужных вам размеров пока нет. Нужно немножко подождать.

Сидим, ждём. Смотрим идёт начальник цеха.

— Чего прохлаждаемся?

— Да вот фактуры нет, отвечаем.

— Как? Иосиф, а разве у нас на складе металл закончился?

Дежурный ответ выдавшего виды передовика производства вводит в ступор всех: — С самого утра ищем нужный размер, уже перелопатили пол склада, постараемся найти побыстрей.

И он постарался. Как по волшебству вскоре одна за одной стали появляться нужные болванки. Если бы при этом он добавил, что только из уважения к нашему мастеру нужные заготовки подготовил ещё вчера, мы бы не удивились. Наконец получили всё, погрузили, потащили, рассуждаем как сейчас навалимся на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.